

18+

ЭЛИНА КИНГ

ЧАСТИЦЫ СВЕТА

ХРОНИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Элина Кинг
Частицы цвета.
Хроники сопротивления

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73005327
ISBN 9785006882119*

Аннотация

«Частицы света» – это глубоко выверенный, научно обоснованный и при этом пронзительно человеческий роман. Он правдиво рассказывает о туберкулёзе, его стигме и путях преодоления, не впадая в ужасы, но и не скрывая суровой правды. Это история о том, как в самое тёмное время находятся те самые частицы света: сострадание, долг, знание и непобедимая воля к жизни, которые в итоге сплетаются в единый, нерушимый щит.

Содержание

Невидимая частица	5
Тень на снимке	8
Доктор Ермолаева	13
Семья учёного	17
Первая изоляция	22
Круги по воде	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Частицы цвета

Хроники сопротивления

Элина Кинг

© Элина Кинг, 2025

ISBN 978-5-0068-8211-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Невидимая частица

Воздух, который мы не замечаем, – это океан. В каждом его миллилитре, в каждой пылинке, купающейся в луче света, кипит невидимая жизнь. Среди миллиардов безобидных или полезных микросуществ порой проносится, словно тень подлодка, особая частица. Она не жива и не мертва в привычном смысле; она пребывает. Покоится в защитной восковой капсуле, ждёт своего часа. Микобактерия туберкулёза. Древняя, как человеческое страдание, и умная, как сама выживаемость.

Алексей Петрович Соколов знал об этой частице не по учебникам. Он столкнулся с ней лицом к лицу в госпиталях Грозного и в сырых казармах, где служил военным врачом. Он видел её тень на рентгенограммах молодых солдат, чьи лёгкие, вместо того чтобы дышать полной грудью, были изъедены причудливыми пещерами. Тогда, в девяностые, это была чума вернувшихся из мест не столь отдалённых. Но он верил, что победил её. В себе, в своих близких. Ветеранское пенсионерство должно было быть временем тишины, рыбалки на озере и внуков.

Внук Максим, пятнадцать лет, энергия метеора. Капитан школьной сборной по футболу, голос ломается, мир чёрно-бел и ясен. Он прибежал к деду после тренировки, румяный, потный, счастливый.

– Дед, у нас завтра контрольная по биохимии! Ты же знаешь про этот... цикл Кребса?

Алексей Петрович улыбался, готовясь к объяснению, но ухо врача уловило иное. Не звонкую юношескую хрипотцу, а влажный, глубокий, приглушённый звук, прорвавшийся сквозь смех. Кашель. Не единичный, а серией коротких, отрывистых толчков, которые Максим тут же подавил, словно стесняясь.

– Простудился, Макс?

– Да ну, ерунда. Пыль в спортзале, наверное. Пробежал стометровку, в горле першит.

Но Алексей Петрович включил внутренний локатор. Его взгляд, годами тренировавшийся замечать мельчайшие детали, уловил то, что не увидела бы мать Максима, учительница литературы. Лёгкую, едва заметную бледность под загаром. Микроскопическую потерю в весе, проявившуюся в чуть более свободной футболке. И этот кашель. Не громкий, не изматывающий, но упорный. Как эхо, которое не хочет затихать.

Вечером, когда Максим ушёл делать уроки, Алексей Петрович подошёл к книжному шкафу. Среди мемуаров полководцев и медицинских справочников он нашёл старую, потрепанную папку. На обложке – аббревиатура «ФЛГ» и даты двадцатилетней давности. Он открыл её. Чёрно-белые снимки, похожие на снимки далёких галактик. Светлые и тёмные поля – рёбра, диафрагма, тени сердца. И в углу некоторых –

пятна. Нечёткие, размытые, как призрачные острова. Очаги. Инфильтраты.

Он закрыл папку. Рука сама потянулась к телефону, чтобы позвонить бывшей коллеге, Анне Викторовне Ермолаевой, которая теперь руководила областным противотуберкулёзным диспансером. Но он остановился. Паника – первый враг. Нужны факты. Завтра он, мягко, без давления, уговорит Максима сделать флюорографию. «Для справки в секцию», например.

Алексей Петрович вышел на балкон. Город спал, в небе сияли холодные точки звёзд. Где-то там, в тёмной глубине вселенной, летела к Земле частица света от давно погасшей звезды. А здесь, в тёплой комнате его внука, возможно, дремала другая частица – частица тьмы. И чтобы победить её, нужно было сначала признать её существование. Преодолеть первый, самый страшный барьер – барьер собственного отрицания и слепого, естественного желания сказать: «Со мной, с моими, этого не может случиться».

Он глубоко вдохнул ночной воздух. Океан, полный невидимых жизней. И он, старый солдат незримого фронта, снова должен был вступить в бой. Тихо, без выстрелов, во имя света в окне комнаты своего внука.

Это начало долгой истории. История продолжится в следующей главе, где тень на снимке обретёт имя, а семья Соколовых сделает первый шаг по длинной дороге сопротивления.

Тень на снимке

Клиника была обычной, белой, пахнувшей антисептиком и тихим страхом. Но для Максима она вдруг превратилась в декорации к плохому фильму. Дед шёл рядом, спокойный и твёрдый, как скала. Его присутствие было единственной опорой в этом внезапно перекошенном мире, где «просто для справки» обернулось мрачным молчанием врача-рентгенолога, слишком пристально вглядывавшегося в экран.

«Стой. Не дыши. Сейчас».

Холодная пластина аппарата прижалась к его оголённой груди. Максим замер, затаив на мгновение не только дыхание, но и все мысли. Внутри что-то ёкнуло, первобытный страх перед невидимым лучом, пронизывающим насквозь, выворачивающим наружу все тайны тела. Щёлк. Всё.

– Подождите в коридоре, снимок проявят, – голос рентгенолога был безличным, профессиональным.

В коридоре, на пластиковой скамье, они ждали молча. Алексей Петрович положил руку на плечо внука. Рука была тёплой и тяжёлой, настоящей.

– Что там, дед? – наконец выдавил из себя Максим, глядя в пол. – Что они увидели?

– Увидим вместе с врачом, Макс. Спешить некуда. Главное – не накручивать.

Но он сам накручивал. Слова «фтизиатр» и «противоту-

беркулёзный диспансер», произнесённые регистратором шёпотом, будто не медицинские термины, а нечто постыдное, повисли в воздухе. Проходящие мимо люди бросали быстрые взгляды и отводили глаза. Здесь, в этой части больницы, стигма была почти осязаемой. Она висела в воздухе, смешиваясь с запахом хлорки.

Кабинет Анны Викторовны Ермолаевой поразил их обоих. Это был не стерильный бокс, а кабинет учёного и гуманиста. Книги от пола до потолка, старые и новые: «Туберкулёз лёгких» Рубеля, современные руководства, труды Мечникова, Филатова. На стене – не схема лёгких, а репродукция картины «Доктор» Фёдора Решетникова, где усталый врач склонился над ребёнком. И живой цветок – декабрист, пышно цветущий малиновыми звёздами на подоконнике.

Сама Анна Викторовна встретила их не как следователь, а как союзник. Лет пятидесяти, строгая, но не холодная. В её глазах читался ум, усталость и странное, неугасимое спокойствие.

– Алексей Петрович, проходите. Максим, садись, пожалуйста, вот сюда. Не бойся, здесь все свои, – её голос был низким, тёплым, как тёплое одеяло. Он развеял часть страха.

Она взяла плёнку, ещё влажную, и прикрепил её на световой экран. Максим увидел призрачный слепок самого себя. Рёбра, как корзина, сердце – тёмный силуэт. И в верхней части правого лёгкого – пятно. Не чёрное, не белое, а нечто среднее, размытое, с неровными краями, будто кто-то вы-

дохнул на стекло заиндевшее облачко.

– Вот видите, – Анна Викторовна взяла указку, – лёгкие, в норме, должны быть прозрачными, как чистое небо. А здесь – инфильтрат. Очаг. Представьте, что в лёгочную ткань, в альвеолы, где идёт газообмен, проник враг. Организм, наш верный защитник, немедленно начинает его окружать – клетками иммунитета, фибрином. Возникает эта «крепостная стена» воспаления. Это и есть инфильтрат. Битва идёт прямо сейчас, внутри тебя, Максим.

Она говорила не о позоре, а о битве. Не о клейме, а о медицинском факте. Это меняло всё.

– Это... точно оно? – тихо спросил Алексей Петрович, и в его голосе впервые дрогнула сталь.

– Клиническая картина, кашель более трёх недель, субфебрилитет, который вы, Максим, probably не замечали, и рентгенологическая картина – да, это очень похоже на туберкулёзный процесс. Но диагноз – не приговор. Это – указание на путь. Нам нужны доказательства. Нам нужна сама микобактерия.

Она объяснила всё. Про трёхкратный анализ мокроты, про пробу Манту и Диаскинтест, которые теперь будут лишь формальностью. Про то, что туберкулёз сегодня – не смертельная чахотка XIX века, а контролируемое, излечимое заболевание. Долгое, трудное, но излечимое.

– Самый главный враг сейчас – не палочка Коха, – сказала Анна Викторовна, глядя прямо на Максима. – Главные вра-

ги – это страх и незнание. И ложный стыд. Ты должен понять: ты не виноват. Эта бактерия летает в воздухе. Кто-то чихнул в автобусе, в кино, в школе. Твой иммунитет, возможно, был временно ослаблен перегрузками, стрессом, простудой. Она нашла лазейку. В этом нет твоей вины. Вина будет только в одном – если ты сдашься и не будешь лечиться.

Максим молчал, впитывая. Его взгляд блуждал от размытого пятна на снимке – его личной тени – к уверенному лицу врача, к крепкой руке деда на его плече.

– А... школа? Команда? – наконец спросил он, и голос его сорвался.

– Временно. Пока ты заразен. Но лечение быстро сделает тебя безопасным для окружающих. А учиться можно будет дистанционно. Твоя задача номер один – стать здоровым. Всё остальное приложится.

Когда они выходили из кабинета, на Максима уже не смотрели как на прокажённого. Он нёс в руках направление на анализы и листок с чёткими инструкциями. И ещё кое-что – ощущение поля боя внутри себя. Но теперь у него были союзники: дед с его несгибаемой волей и доктор с умными, спокойными глазами, которая видела в нём не «туберкулёзника», а бойца.

На улице ударил в лицо холодный ветер. Алексей Петрович глубоко вздохнул.

– Всё ясно теперь. Есть план.

– Дед, – Максим остановился, – как сказать маме?

Алексей Петрович посмотрел на него. В глазах мальчика читалась уже не детская паника, а взрослая, тяжёлая ответственность.

– Правду. Только правду. И сразу скажем, что путь известен и мы его пройдем. Всей семьей.

Тень на снимке обрела имя. И с этого момента начинался долгий путь к свету. Путь, где первым шагом было не принять таблетку, а преодолеть тихий ужас стигмы и посмотреть в лицо правде, не опуская головы.

Доктор Ермолаева

Тишина в кабинете после ухода Соколовых была особого свойства. Она была густой, насыщенной мыслями и резонирующим эхом человеческих драм. Анна Викторовна не сразу взялась за следующую историю болезни. Она подошла к окну, дотронулась до лепестка декабриста. Яркое растение, цветущее в разгар зимы, было её личной метафорой сопротивления. Жизнь, вопреки обстоятельствам.

Её путь сюда, в этот кабинет с видом на унылый больничный двор, начался три десятилетия назад в далёком сибирском посёлке, где её тётя, фельдшер, в одиночку вела борьбу с «бугорчаткой». Анна видела, как люди отворачивались от заболевших соседей, как шёпотом произносили «чахоточный», словно заклинание. И видела, как её тётя, маленькая и негибаемая, входила в каждый дом, где был больной, неся не только лекарства, но и простую человеческую солидарность. Тогда она и решила: станет не просто врачом, а солдатом на этой незримой границе, где медицина пересекается с социальной справедливостью.

Мобильный телефон на столе, отложенный в беззвучный режим, вспыхнул экраном. Сообщение от лаборанта: «Анна Викторовна, по поводу КРТ посева от Ковалёва Сергея (брат Дмитрия Игнатьевича). Выделен рост. Ждём ваших указаний по тесту на ЛЧ».

Она кивнула про себя. Ещё один. Сергей Ковалёв, геолог, вернувшийся с северной экспедиции с «затянувшейся пневмонией». Его брат, Дмитрий, биофизик, уже звонил ей, голос учёного дрожал от непрофессиональной, чисто человеческой тревоги. Ум, знающий молекулярные механизмы болезни, оказался беспомощен перед её вторжением в собственную семью.

Анна Викторовна села за стол и открыла журнал регистрации. Цифры и фамилии складывались в безжалостную статистику. Рабочие с окраинных заводов, пенсионеры из старых общежитий, студенты-мигранты, бывшие заключённые, пытающиеся найти почву под ногами. И всё чаще – люди, как Максим Соколов или Сергей Ковалёв, из благополучных, казалось бы, слоёв. Туберкулёз давно перестал быть болезнью лишь маргиналов. Он стал индикатором общего напряжения организма социума. Проблема вентиляции в новых офисных центрах, стресс, неправильное питание, повальное увлечение сомнительными диетами, ослабляющими иммунитет... Бактерия пользовалась любой лазейкой.

Её размышления прервал тихий стук в дверь. Вошла медсестра Ольга, неся стопку свежих рентгенограмм.

– Анна Викторовна, привезли из поликлиники №4. Три человека с подозрением. И... девушка из приёмника-распределителя, сирота. Кашляет кровью.

Анна Викторовна взяла верхний снимок. И снова – знакомый призрак, тень в верхушке лёгкого.

– Госпитализируем всех. Оформляйте. Для сироты – палата на двоих, подберите ей спокойную соседку, Тамару Ивановну. Она у нас как бабушка всем. И попросите социальную службу связаться с отделом опеки. Ей понадобится поддержка после выписки.

В этом был её принцип: диспансер – не просто лечебница, а крепость, где защищали не только лёгкие, но и душу. Она боролась со стигмой изнутри, создавая среду, где болезнь не была позором. Здесь, в этих стенах, все были равны перед диагнозом и перед необходимостью борьбы. Генерал и бывший зэк лежали в соседних палатах и, бывало, вместе смотрели вечерние новости, обсуждая политику. Стигма растворялась в общем деле выживания.

Она подняла трубку и набрала номер Дмитрия Ковалёва.

– Дмитрий Игнатьевич, у меня данные по Сергею. Подтверждается. Чувствительность определяем. Главное сейчас – его психологическое состояние. Нужно, чтобы он не воспринял это как крах. Приезжайте, поговорим. И... ваши знания сейчас очень нужны. Не как родственника, а как учёного. Нам нужно видеть врага в лицо, на молекулярном уровне. Поможете?

Замолчав, она слушала его тяжёлое дыхание в трубке, затем – твёрдое: «Конечно, Анна Викторовна. Я буду. Завтра». В его голосе появилась сталь. Личная драма превращалась в мотивацию.

Перед тем как принять следующего пациента, Анна Вик-

торовна открыла нижний ящик стола. Там лежала старая, потрёпанная фотография: она, молодая интерн, и её наставник, профессор Громов, на фоне суровых стен НИИ фтизиопульмонологии. Профессор, переживший блокаду Ленинграда и всплеск туберкулёза после войны, говорил: «Анна, наша задача – не просто лечить. Наша задача – дать человеку свет в конце туннеля. Даже если туннель длиной в полтора года. Без света он не пройдёт».

Этот свет она и пыталась зажигать каждый день. В слове ободрения, в чётком плане лечения, в отказе от шепота и предрассудков. Туберкулёз был тотальным врагом, атаковавшим и тело, и социальные связи. И тотальной же должна была быть оборона.

Она вздохнула, поправила белый халат и нажала кнопку звонка.

– Пригласите следующего пациента. И попросите, пожалуйста, занести историю болезни Ковалёва Сергея Анатольевича. Начинаем.

За дверью кабинета ждала очередь. Люди с тенью в лёгких и страхом в глазах. Но за этой дверью их ждал не судья, а командующий, готовый разработать план кампании. Доктор Ермолаева откинулась на спинку кресла, на секунду закрыла глаза, собралась с силами. Затем её лицо вновь обрело привычное спокойное выражение профессиональной собранности и непоказного, глубоко спрятанного сочувствия. Битва продолжалась.

Семья учёного

Лаборатория молекулярной биологии Института биофизики клетки была царством тишины, нарушаемой лишь ровным гудением термостатов и щелчками микропипеток. Здесь воздух фильтровался через НЕРА-фильтры, а жизнь измерялась в нанолитрах и циклах амплификации. Для Дмитрия Игнатьевича Ковалёва это было пространство абсолютного контроля, где сложнейшие процессы мироздания дробились на последовательности нуклеотидов и поддавались расшифровке.

Под светом микроскопа, оснащённого флуоресцентной насадкой, он рассматривал препарат. Не микобактерии – сегодня его рабочая группа занималась исследованием устойчивости опухолевых клеток. Но принцип был схож: враг, уклоняющийся от удара, мутирующий, выживающий. Его мысли, однако, упрямо возвращались к вчерашнему звонку. К голосу Анны Викторовны, спокойному и неумолимому: «Подтверждается».

Сергей. Старший брат. Человек, который в детстве тащил его, щуплого «ботаника», в походы, учил разводить костёр под дождём и читать карту. Геолог-поисковик, чьи легендарные «нюх» на руду и стойкость в тайге были притчей во языцех в профессиональном кругу. Этот богатырь, пахнувший солнцем, таёжной хвоей и глубинными породами, теперь ле-

жал в боксе изолированного стационара с диагнозом, который Дмитрий, как учёный, прекрасно знал, но как брат – отказывался принять.

«Чувствительность определяем». Эти слова были единственным лучом. Большинство штаммов в регионе, согласно данным того же НИИ, где работала Ермолаева, сохраняли чувствительность к препаратам первого ряда. Значит, стандартная схема. Долгая, токсичная, но работающая. Надо было держаться за это.

– Дмитрий Игнатьевич, у нас по ПЦР готовы данные. Сходим, посмотрим? – Молодой аспирант, Саша, заглянул в лабораторию.

Дмитрий кивнул, оторвавшись от окуляров. Проходя по коридору, он ловил на себе взгляды коллег. Обычно уважительные, даже подобострастные – он был ведущим специалистом, лауреатом премии. Но сегодня в них мелькало нечто иное. Смущение? Жалость? Он уловил обрывок шёпота из-за приоткрытой двери чайной: «...брат Ковалёва... туберкулёз... в диспансере...».

Стигма. Она проникала даже сюда, в храм объективной науки. Его, человека, посвятившего жизнь изучению механизмов жизни и смерти, начинали сторониться, будто он сам стал источником инфекции. Горький привкус подкатил к горлу. Это была не только боль за брата, но и унижительное осознание силы предрассудка.

На мониторе компьютера плясали кривые – графики ам-

плификации ДНК. Саша что-то увлечённо объяснял об экспрессии гена устойчивости. Дмитрий слушал вполуха. Его внутренний взор видел иное: рентгеновский снимок Сергея, который он, пользуясь связями, уже раздобыл. Та самая «тьень». В лёгких его брата, дышавших ширью тайги и холодом арктических ветров, поселился крошечный, коварный паразит.

Вечером, дома, тишина была громовой. Жена, Марина, молча поставила перед ним ужин. Дети, четырнадцать и десять лет, были у бабушки – «чтобы не нервировать», как деликатно сказала Марина. Но он понимал: и она боялась. Не болезни, а того же шепота, пересудов, косых взглядов в школе у детей.

– Позвонил главному санитарному врачу области, – сказал Дмитрий, отодвигая тарелку. – Попросил данные по эпидемиологической обстановке в северных геологических партиях. Оказалось, не единичный случай. Временные посёлки, скученность в вагончиках, плохая вентиляция, стресс от вахтовой работы... Идеальный шторм для микобактерии. Это не личная трагедия, это системный сбой.

– Системный сбой в лёгких моего брата, – тихо ответила Марина. В её глазах стояли слёзы. – Как он, Дми?

– Борец. Говорит: «Породу бурили – и эту шахту пройдем». Но в голосе... пустота.

Дмитрий встал и подошёл к книжному шкафу. Среди научных фолиантов стояла потрёпанная книга – «Геологиче-

ские экспедиции Сергея Ковалёва. Фотоальбом». Он открыл её. На снимках: Сергей на фоне гольцов Саян, у палатки на Таймыре, с образцом породы в руках, улыбающийся, с обветренным лицом. Человек стихии. И теперь его стихия – стерильная палата, режим приёма таблеток по часам, маска на лице.

Внезапно в голове Дмитрия щёлкнул переключатель. Учёный взял верх над растерянным родственником. Что он знал о туберкулёзе? Общие сведения. Палочка Коха. Кислотоустойчивая. Медленно растущая. Но детали? Механизмы резистентности? Современные методы, выходящие за рамки стандартной микроскопии? Его собственная работа над системами доставки лекарств в клетку... Применимо ли это здесь?

Он вспомнил предложение Анны Викторовны: «Ваши знания сейчас очень нужны. Не как родственника, а как учёного».

Он закрыл фотоальбом. Личная боль кристаллизовалась в холодную, ясную цель.

– Завтра я еду к Анне Викторовне, – сказал он жене. – И в институт я приду с новым проектом. Мы создадим рабочую группу. Будем сотрудничать с диспансером и с НИИ фтизиопульмонологии. Если моя работа может помочь не только Сергею, но и другим... значит, так надо.

Марина посмотрела на него. В её взгляде страх стал отступать, уступая место старой, знакомой гордости. Так она

смотрела на него, когда он защищал диссертацию.

– А что именно ты будешь делать?

– Сначала – изучать врага. Потом – искать его новые слабые места. Современная наука – это не только открытия в стерильных лабораториях. Это ещё и мост к конкретному человеку в больничной палате. Я этот мост построю.

Ночью, когда Марина заснула, Дмитрий сел за компьютер. Он открыл базы данных научных публикаций, ввёл запросы: «микобактерия туберкулёза», «биоплёнки», «фаготерапия», «новые мишени для химиотерапии». На экране загорались статьи, в том числе и из российских научных школ – московских, новосибирских, Санкт-Петербургских. Целый фронт исследований, о котором он, узкий специалист, знал лишь по касательной.

Семья учёного переставала быть просто семьёй в беде. Она превращалась в штаб. Штаб, где горе переплавлялось в решимость, а профессиональные знания становились оружием в самой праведной из войн – войне за жизнь близкого человека и тысяч таких же, как он, неизвестных солдат, сражающихся с невидимым врагом в тишине больничных палат. Дмитрий Ковалёв более не был наблюдателем. Он вступал в бой.

Первая изоляция

Двери автоматического шлюза отделения закрылись за спиной Максима с тихим, но окончательным шипением. Воздух здесь был другим – не больничным, а каким-то замкнутым, циркулирующим, обеззараженным. Пахло не просто хлоркой, а её едкой, концентрированной версией, смешанной с запахом протираемых до блеска полов и... тепла человеческих тел.

Его отвели в палату. Не в бокс, а в обычную, на двоих. У окна, уже заняв одну койку, сидел мужчина лет пятидесяти, коренастый, с короткой седеющей щетиной и спокойными, усталыми глазами. Он вязал что-то из толстой шерстяной нитки, спицы постукивали размеренно.

– Новенький? – голос был хрипловатым, но доброжелательным. – Проходи, место свободное. Я – Петрович. Николай.

Максим кивнул, не в силах выговорить слово. Он поставил сумку, сел на кровать. За окном – решётка и серая стена другого крыла. Мир сузился до размеров этой комнаты.

– Первый раз? – спросил Петрович, не отрываясь от вязания.

– Да.

– Самый тяжёлый – первый. Потом втянешься. Распорядок, процедуры. Главное – голову не терять и таблетки пить

по расписанию. Их, голубушков, пропускать нельзя – они врага добивают.

Врач-ординатор, молодой и очень уставший, зашёл, измерил температуру, давление, оставил пластиковый контейнер для мокроты.

– Утром, натошак, глубокая. Постарайся, – сказал он безразлично и вышел.

Вечером, на ужине в столовой, Максим впервые увидел их всех. Свой «взвод». Длинные столы, пластиковые тарелки. Люди в пижамах, халатах. Тут был не возраст, не социальный статус. Здесь был один критерий – диагноз.

Рядом с ним села худенькая девочка, похожая на подростка, но с взрослыми, грустными глазами. Алия, студентка из Средней Азии. Кашляла кровью на лекции в университете. Боится, что отчислят, что депортируют. Через стол – пожилая женщина с благородным лицом, бывший учитель истории. Тамара Ивановна. Она заболела, ухаживая за бездомным братом, которого взяла к себе. «Стыдно, – шептала она, – перед коллегами, перед бывшими учениками. Словно я в чем-то виновата».

Был и молодой парень, Артём, бывший спортсмен. Получил где-то удар в грудь, развилась «посттравматическая пневмония», оказалась – туберкулёма. И был Петрович, его сосед. От него шло странное спокойствие. Позже Максим узнал, что Петрович отбыл срок, подцепил там «это дело», вышел, честно встал на учёт. Лечится уже второй раз, пото-

му что прервал курс в прошлый раз, сорвался. Теперь, говорит, долечусь до конца. Вяжет носки для всех санитарок и медбратьев.

Вечером в холле включили телевизор. Смотрели новости. Показали сюжет о строительстве нового онкоцентра. Кто-то вздохнул: «Вот раковым помогают, а мы как прокажённые».

Петрович, не отрываясь от вязания, проворчал:

– Тихо там. Онкология – тоже не сахар. Им тяжело по-своему. А нам – по-своему. И врачи наши – те же самые герои. Без пафоса, в тихую.

Максим молчал. Он чувствовал себя чужим. Эти люди говорили на языке боли и потерь, которых он не знал. Его мир – школа, футбол, планы на ЕГЭ – рухнул за три дня. А их миры, казалось, рухнули давно.

На второй день к нему пришла Анна Викторовна с обходом. Не одна, а с практиканткой-медиком.

– Максим, вот посмотрите, – обратилась она к студентке. – Пациент молодой, впервые выявленный, без отягощающих факторов. Идеальный кандидат для полного и быстрого излечения. Если, конечно, будет соблюдать всё. – Она повернулась к Максиму. – Сегодня начинаем химиотерапию. Четыре препарата. Из..., ри..., пи..., эт... Запоминай. Это твои солдаты. У каждого – своя задача. Один бьёт по размножающимся бактериям, другой – по «спящим», третий – по кислой среде внутри очага... Побочки будут. Тошнота, может, головокружение, моча окрасится в оранжевый – это

ри... Не пугайся. Это – признаки того, что работа идёт.

Она говорила при всех, не скрывая. И странно, это не унижало, а наоборот, делало его статус понятным и легитимным. Он – боец, ему выдают оружие. Специфическое, с побочными эффектами, но оружие.

Первые таблетки он принял под наблюдением медсестры. Они были крупными, их было много. Запивал стаканом воды, чувствуя, как комок страха в горле смешивается с физическим комком лекарств.

Через час его начало слегка подташнивать. Он сидел на кровати, уставившись в стену. Петрович посмотрел на него.

– Привыкнешь. Организм принимает войну. Потерпи.

Днём пришла неожиданная перемена. В холл закатили старый телевизор на колесиках и... игровую приставку. Привезли волонтёры из молодёжного центра. «Чтобы не скучали», – сказала веснушчатая девушка-доброволец.

Артём, бывший спортсмен, оживился.

– Макс, слышал, ты футболист? Гоняешь в FIFA?

Они сели играть. На экране задвигались виртуальные игроки. На мгновение Максим забыл. Кричал: «Пасс! Пасс!», смеялся над неудачным ударом Артёма. Алия и Тамара Ивановна смотрели, улыбаясь. Петрович ворчал: «Чё они там, по пикселям бегают?», но тоже не отводил глаз.

Это был прорыв. Не лекарства сделали его, а этот смех, это азартное «Давай!» в душном холле. Он увидел в Артёме

не пациента, а соперника. В Алие – застенчивую девушку, которая боится за будущее. В Тамаре Ивановне – мудрую бабушку. В Петровиче – крепкого мужика, который, несмотря ни на что, вяжет носки.

Вечером, ложась спать, Максим почувствовал не тоску, а усталость. Физическую, от таблеток, и моральную – от пережитого дня. Но это была усталость после работы, а не от безысходности.

– Петрович, – тихо спросил он в темноте.

– А?

– А вы... не боитесь?

Последовала пауза. Потом тихий, размеренный стук спиц.

– Боялся. Первый раз – так вообще, думал, конец. А потом понял. Это не конец. Это – такая же работа. Как шахтёру в забое, как солдату на посту. Только работа – над собой. Самая трудная. Но и самая важная. Спи, парень. Завтра опять в бой. Таблетки, завтрак, процедуры. День прожил – и уже победа.

Максим закрыл глаза. Первая изоляция переставала быть тюрьмой. Она становилась казармой, учебным центром, где готовили к долгой кампании. И он больше не был один. У него был взвод. Станный, пёстрый, изломанный судьбами, но – свой.

Круги по воде

Тихое утро в здании Управления Роспотребнадзора по области нарушил резкий звонок. Звонила Анна Викторовна Ермолаева. Её голос, всегда спокойный, звучал как натянутая струна.

– Сергей Леонидович, у меня за неделю четверо новых поступлений. Все – впервые выявленные, все из разных районов города. Но есть деталь. Двое из них – молодые люди, студенты разных вузов. Оказалось, три месяца назад оба посещали один и тот же антикафе на Арбате, работали над совместным проектом. Нужна проверка очага.

Сергей Леонидович Морозов, начальник эпидемиологического отдела, бывший военный врач-инфекционист, тут же отложил в сторону плановый отчёт. Цепная реакция. Его работа напоминала разматывание клубка или картину, где точки на карте нужно соединить в логичную, пусть и пугающую схему.

– Координаты заведения, список сотрудников, график вентиляции. Всё, что можете. Пришлю бригаду сегодня.

В его кабинете на стене висела большая карта области, испещрённая разноцветными значками. Каждый – очаг туберкулёзной инфекции. Жёлтые – благополучно снятые с учёта. Красные – активные. За последний месяц красных стало чуть больше. Не вспышка, но тревожная тенденция. Как

слабый, но упорный гул перед землетрясением.

Через два часа эпидбригада, облачённая в защитные костюмы, но без паники и суеты, работала в антикафе. Заведение было закрыто на «санитарный день». Лаборанты брали смывы с поверхностей, пробы воздуха. Инженер проверяла вентиляционную систему. Выяснилось, что вытяжка в одном из уголков, где любили собираться компании, вышла из строя ещё зимой. Владелец, молодой парень, был в шоке.

– Да мы же регулярно убираем! Кварцуем! – оправдывался он.

– Воздух должен не просто очищаться, он должен обновляться, – спокойно объясняла ему сотрудница Роспотребнадзора. – Застоявшийся воздух в плохо проветриваемом помещении – идеальная среда для передачи аэрозольной инфекции. Особенно зимой, когда окна закрыты.

Тем временем Морозов уже работал с другими нитями. Ещё один новый пациент – мужчина средних лет, слесарь с завода «Прогресс». Заводская медицина, разумеется, ежегодно делала флюорографию. Последняя – десять месяцев назад – была чистой. Значит, заражение позже. Но где? Мужчина вёл замкнутый образ жизни: дом—работа—гараж.

«Гараж», – подумал Морозов. Гаражный кооператив. Общее помещение для курения, чай, разговоры.

Третий пациент – молодая женщина, продавец в крупном торговом центре. Работает в подвальном этаже, в отделе со старым, шумным вентиляционным оборудованием.

Точки на карте Морозова начали сходиться не в географическом, а в социальном смысле. Это были места скученности, часто – с нарушениями воздухообмена. И необязательно маргинальные. Благополучное антикафе, рабочий гараж, современный торговый центр.

Он вызвал к себе подчинённого, майора медицинской службы в запасе, а ныне – ведущего эпидемиолога Игоря Полозова.

– Игорь, нужно проверить эти три очага. Плюс – взять на карандаш все места, где бывали наши новые пациенты за последние полгода. Клубы, спортзалы, кафе. И поднять данные по градостроительству и вентиляции новых жилых комплексов. У нас, я подозреваю, не столько социальная, сколько архитектурно-инженерная проблема.

Полозов, сухой, подтянутый мужчина, кивнул. Его методы были легендарными. Он мог, поговорив с пациентом час, восстановить весь его путь за месяц и вычислить вероятную точку контакта.

Параллельно с этой детективной работой в деревне Светлой, за триста километров от города, разворачивалась другая история. Семья Прохоровых. Глава семьи, Иван, крепкий пятидесятилетний фермер, узнал, что у его старшей дочери, семнадцатилетней Кати, в районной больнице на флюорографии нашли «затемнение». Деревенский фельдшер, растерянный и испуганный, пробормотал что-то про «возможно, туберкулёз» и посоветовал ехать в город.

В деревне новость разнеслась быстрее, чем по интернету. Шёпот на колодце, испуганные взгляды, отдаление некоторых соседей. Стигма в сельской местности – штука особая, всепроникающая и жестокая. Но Иван Прохоров собрал всю семью: жену, младших детей, даже старенькую тещу.

– Слушайте все, – сказал он сурово. – Катя наша ни в чём не виновата. Кто слово лишнее скажет – со мной разбираться будет. А сейчас – дело. Завтра возем её в областной диспансер. К доктору Ермолаевой. Пока она там, мы тут хозяйство держать должны. И друг другу помогать. Понятно?

Это была не просто речь. Это был акт сопротивления. Сопротивления страху и невежеству. Весть о твёрдости Прохоровых тоже быстро облетела деревню. И нашлись те, кто, преодолев свой страх, принесли им пирог, предложили присмотреть за скотом. Круги по воде. От одного очага – страх и отторжение. От другого – солидарность и поддержка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.